

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В СВЕТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА: МНОГОЗВУЧИЕ СМЫСЛОВ. ОПЫТ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО «ПОГРАНИЧЬЯ» В УНИВЕРСАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Самое краткое (и самое емкое) определение термина «смысл» принадлежит М. М. Бахтину: это ответ на вопрос. Семантическое пространство понятия «традиционные ценности» включает целый ряд ответов на вопрос о его содержании. Прежде всего, это понятие сложносоставное, в нем есть два смысловых центра, к которым тяготеет целый спектр значений: традиция и ценность. Термин «традиция» многозначен, она может пониматься и как социальное отношение исторической преемственности, и как социокультурный механизм, обеспечивающий такую преемственность посредством накопления, хранения и передачи от поколения к поколению информации, закодированной в определенных стереотипах поведения, и как средство сохранения опыта прошедших поколений, то есть как историческая или социальная память, и как та часть прошлого, которая продолжает жить в настоящем. Разумеется, все эти трактовки теснейшим образом взаимосвязаны, они образуют единый смысловой блок, но составляющие этого блока отличаются разными оттенками и ракурсами рассмотрения темы традиции.

Содержание термина «ценность» определяется тем ответом, который та или иная культура дает на вопрос, который первый сформулировал Сократ: что есть благо?

Все без исключения культуры разделяют ряд основополагающих ценностей, которые принято называть общечеловеческими: жизнь, во всех ее проявлениях, добро, красота, истина, справедливость и др. Традиционные ценности в основе своей – это закреплённый в исторической памяти и социальной практике той или иной культуры способ интерпретации общечеловеческих ценностей. Однако проблема заключается в том, что эти ценности по-разному понимаются представителями разных цивилизаций. И их понимание может отличаться столь существенно, что это превращается в серьезные препятствия на пути межкультурного диалога. Встает проблема, которую О. У. Куайн обозначил как проблему «радикального перевода», то есть понимания текста, созданного представителями иной культуры, основанный на качественно иных представлениях о мире и жизни¹. Проблема, которая в условиях глобализации превращается в «гигантскую по своим масштабам проблему культурной

¹ Куайн У.О. Слово и объект. М.: Логос; Праксис, 2000. С. 43

эквивалентности смыслов диалога»². В этом контексте конкретно-историческое содержание понятия «традиционные ценности» обусловлено той интерпретацией общечеловеческих ценностей, которую выработала та или иная цивилизация. Содержание этой интерпретации определяется тем, как структурируется диалогическая основа человеческого существования (по М.М. Бахтину), а именно – тем или иным подходом к решению проблемы «Другого», то есть иного участника диалога. От того, как она решается, прямо зависит трактовка общечеловеческих ценностей.

Существуют два противоположных подхода к этой проблеме, воплощенных в двух качественно-различных видах дискурса: исключаящем и включающем. В рамках «исключающего» дискурса «Другой» включен в картину мира, осуществляющей самоидентификацию цивилизации, но лишь в качестве реальности, абсолютно ей чуждой, не допускаемой в ее внутреннее жизненное пространство, занимающей неизмеримо более низкое место, чем она, в иерархии бытия. В случае «включающего» дискурса «Другой» воспринимается (причем независимо от отношения к нему) как неотъемлемая часть собственного жизненного и культурного пространства, он включен в собственный мир каждого из участников взаимодействия.

Духовный космос всех цивилизаций характеризуется столкновением этих дискурсов. Но при этом, по общему правилу, какой-то из них преобладает. Самый яркий пример «исключающего» дискурса – социальная и духовная практика западной цивилизации на протяжении всей ее истории вплоть до наших дней (хотя на Западе всегда существовали и до сих пор существуют противоположные тенденции, никогда не определявшие, однако, главные черты ее культурно-исторического «лица»). «Включающий» дискурс преобладает в цивилизационном «пограничье». С наибольшей силой он проявился себя в двух «пограничных» цивилизациях планетарного масштаба – России-Евразии и Латинской Америке³.

Формирование цивилизационной системы на основе «включающего» дискурса обусловило главную структурную характеристику цивилизационного «пограничья» – особое соотношение ключевых структурообразующих принципов единства и многообразия: доминанту многообразия (в отличие от доминанты единства в «классических» цивилизациях), но при парадоксальном сохранении начала единства *sui generis*, соответствующего ситуации преобладания начала многообразия и порождающего тип социокультурной системности, качественно отличный от классических образцов. Доминанта

² Следзевский И.В. Диалог цивилизаций как смысловое поле мировой политики // Диалог в полицентричном мире: философско-культурные, исторические и коммуникативные проблемы. М.: Институт Африки РАН, 2010. С. 138

³ Шемякин Я.Г. Россия и Латинская Америка: общность цивилизационного типа как духовно-мировоззренческая основа сотрудничества // Латинская Америка. - 2024. - №8. - С. 6-21

многообразия необходимым образом предполагает включение «Другого» как необходимой естественной составляющей этого многообразия.

Достижение и сохранение единства *sui generis* в условиях доминанты многообразия достигается посредством действия особого социокультурного механизма. В его основе – повышенная (по сравнению с классическим цивилизационным типом) способность к оперированию знаковыми структурами различного происхождения и характера, прежде всего сакральными символами. Эта способность обуславливает качество повышенной проницаемости границ в культуре, как внутренних (пролегающих не только между конкретными людьми, носителями тех или иных традиций, но и внутри человеческих душ), так и внешних, с чем связано наличие, казалось бы, взаимоисключающих качеств, одинаково органичных, тем не менее, для духовной атмосферы «пограничных» цивилизаций: повышенной восприимчивости к иноцивилизационным новациям и одновременно повышенной способности к переработке этих новаций в соответствии с потребностями местной социокультурной «почвы».

Оперировать знаковыми структурами не может какая-либо общность, социальный институт или организация, это может делать только конкретный живой человек. Поэтому следующий необходимый элемент описываемого социокультурного механизма – существенно более значимая, чем в «классических» цивилизациях, роль индивидуального уровня развертывания цивилизационного процесса, а в его рамках – «пространства свободы» личности, которое наличествует в каждом человеке и отличает его от всех иных представителей *homo sapiens*.

Доминанта многообразия обуславливает и особенности идентификационной структуры. В основе этой структуры в «пограничных» цивилизациях – идентификация не с какой-либо одной из участвующих во взаимодействии традиций, а с самим процессом их взаимодействия, который выступает как идентификационный стержень-инвариант, что соответствует логике «включающего» дискурса. Составляющими этого стержня оказываются все участвующие во взаимодействии традиции. Поэтому содержание понятия «традиционные ценности» в цивилизациях «пограничного» типа может быть раскрыто следующим образом. Основопологающей традиционной ценностью для всех представителей цивилизационного «пограничья» является принцип включения «Другого», предполагающий диалог «ответно--равноправных сознаний» (М.М. Бахтин). Но это означает также и признание ценностей всех участников диалогического общения, всех включенных в процесс взаимодействия традиций. Иными словами – в основе понятия «традиционные ценности» в «пограничных» цивилизациях – общая для всех ценность диалогического общения, включающая в себя исторические ценности всех

традиций, взаимодействие которых и составляет идентификационный стержень-инвариант.

Попытаюсь проиллюстрировать эти тезисы на российских примерах.

Можно выделить следующие основные проявления «включающего» дискурса в России. Прежде всего, русское православие совершенно непредставимо вне ситуации крайне напряженного диалога-спора с языческо-мифологическим восточнославянским наследием. Их в высшей степени противоречивая взаимосвязь определила главное содержание социально-генетического кода российской цивилизации. Этот вывод разделяли виднейшие отечественные ученые: А. М. Панченко, О. Н. Трубачев, В. Н. Топоров, Вяч. Вс. Иванов, С. М. Толстая, А. Б. Зубов и другие. Важнейшим свидетельством преобладания в русском духовном космосе «включающего» дискурса стало складывание в ходе взаимодействия разнородных начал концепта «земля», которому русское цивилизационное сознание придало высший сакральный статус. Данный концепт, имеющий глубокую архаическую основу, сыграл роль одной из основных форм, в рамках которой происходило активное взаимодействие древней славянской языческо-мифологической традиции и православия. Оно оказалось очень плодотворным, вылившись в творческий культурный синтез, который ярче всего проявился в слиянии в народном сознании образов Матери-Земли и Богородицы.

В настоящее время наличествует большое количество фундаментальных трудов, содержание которых может служить яркой развёрнутой иллюстрацией тезиса о весьма причудливом сочетании в русском цивилизационном сознании древнеславянских языческих и христианских элементов. Хотя высший уровень восточнославянского языческого пантеона был разрушен в результате христианизации, персонажи низших его уровней (домовые, лешие, водяные, овиnnики, полевики и др.) сохранились в массовом, главным образом крестьянском сознании. Это во многом объяснялось тем, что эти персонажи чаще всего были напрямую связаны с главной сферой жизни крестьянства – с аграрным циклом. С этим циклом прямо связаны и многие традиционные русские праздники, в которых явно прослеживаются языческие корни. Самые яркие примеры – Масленица и праздник Ивана Купалы.

Множество примеров действий в соответствии с логикой «включающего» дискурса можно найти в истории взаимоотношений с народами Великой Степи, от половцев до татар, которые, несмотря на все драматические перипетии конкретной истории их взаимоотношений с русскими, воспринимались (причем независимо от конкретного к ним отношения в тот или иной исторический период) как неотъемлемая часть общего жизненного и культурного пространства, которое представало как зона напряженного драматического межкультурного взаимодействия.

В эпоху Московской Руси, а затем Российской империи в ходе этого взаимодействия в единое экзистенциальное пространство России-Евразии было включено множество нерусских этносов, которые сохранили свои языки и обычаи. По общему правилу сохранялись (разумеется, под контролем имперской администрации) и местные элиты и (во многих случаях) традиционные органы самоуправления. Эта линия на включение в российский «мир-миров» (М. Гефтер) нерусских этносов сохранялась и в советский, и в постсоветский периоды истории. Хотя, конечно, здесь нельзя не упомянуть о существенных издержках, связанных с модернизацией (как капиталистической, так и социалистической), оказавших отрицательное воздействие на «цветущую сложность» цивилизационного пространства России, но, все-таки, не разрушивших его.

Свое наиболее полное религиозно-философское обоснование «включающий» дискурс нашел в трудах и деятельности представителей кирилло-мефодиевской традиции, в первую очередь самого Св. Кирилла (Константина Философа), которые опирались, в свою очередь, на наследие великих каппадокийцев (Василия Великого, Григория Нисского, Григория Назианзина).

Эта традиция не прерывалась и в последующие века отечественной истории. Прежде всего, здесь необходимо назвать ту концепцию диалога, которую выдвинул и воплотил в своих произведениях Ф.М. Достоевский, отличающуюся от этой концепции, но также основанную на логике «включения» трактовку темы диалога Л.Н. Толстым. Пожалуй, самым концентрированным выражением «включающего» дискурса российской цивилизации стала «диалогика» М.М. Бахтина, согласно которой вся человеческая действительность предстает как диалогическое общение. Его характер определяется подходом к решению проблемы «Другого», то есть иного участника диалога. Свой подход Бахтин предельно четко выразил в сформулированном им определении критерия точности применительно к гуманитарным наукам. Согласно русскому мыслителю, «в гуманитарных науках точность – преодоление чуждости чуждого без превращения его в чисто свое»⁴. Такова формула российского «включающего» дискурса.

⁴ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. Москва: Книга по требованию, 2013. С. 392